

Игорь Сергеевич Нарский

ФИЛОСОФИЯ ПОЛЬСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Лекции, прочитанные на философском факультете Московского университета

М.: изд-во МГУ. 1958

Веб-публикация: Ян Велогорский для сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения*, 2009

В Европе XVIII в. одним из очагов философии Просвещения, кроме Франции, России и других стран, была Польша. Развитие просветительской философии в Польше XVIII в. не было случайным, спорадическим явлением; оно было органически связано с общим идеологическим подъемом, родственным по своему характеру и социально-экономическим предпосылкам прогрессивным течениям этого времени во Франции, России, Германии и Северной Америке.

Прогрессивные учения Просвещения были выражением антифеодальной идеологии, складывавшейся во второй половине XVIII в. Носителями ее были буржуазия и те слои господствующего феодального класса, которые тяготели к буржуазному миропониманию, поскольку сами они переходили на дорогу капиталистического развития. Хотя идеологи буржуазного Просвещения, как правило, не призывали непосредственно к народной антифеодальной революции, их идеология объективно способствовала ее приближению. Просветители воодушевлялись «горячей враждой к крепостному праву и сеим его порождениям в экономической, социальной и юридической области»¹. Они нанесли глубокие удары по феодальному мировоззрению; тем самым они расчищали почву для создания более передовых, чем их собственные, учений, для боевой идеологии буржуазно-демократических революционеров. Авторитету католической догмы и слепой вере в бога просветители противопоставили авторитет научного познания природы и силу человеческого разума. У таких французских просветителей, как Гельвеций и Гольбах, требования «природы» и требования «разума» часто выступают как понятия тождественные. Просветители отвергли аскетическую мораль, пропагандируемую церковью, как противоестественную и противоречащую достоинству человеческой личности. Они провозгласили законность и справедливость стремления людей к земному счастью, ибо оно соответствует требованиям «человеческой природы». Просветители заклеймили угнетение и насилие, подвергли гневному осмеянию порядки сословного неравенства и аристократического произвола.

Польское Просвещение возникает в последней трети XVIII в., а главные литературные памятники этого течения относятся уже к началу XIX в. Его крупнейшие представители - Коллонтай, Сташиц, братья Снядецкие - создали философское направление, оказавшее значительное воздействие на духовную жизнь Польши своего времени и оставившее после себя традиции, благотворно отразившиеся на последующем развитии польской прогрессивной мысли. Польский материализм конца XVIII в. по праву занимает свое место во всеобщей истории развития материализма и его борьбы провоз. религиозно-идеалистического мирозерцания. Материал польского Просвещения не был простым повторением философских учений французских материалистов того времени, но содержал в себе много оригинальных идей.

Философия польского Просвещения выступила в роли теоретического обоснования национально-освободительного движения, опирающегося на социальные антифеодалные преобразования, и сформулировала некоторые диалектические идеи.

Рассмотрим прежде всего те социально-экономические и идеологические предпосылки, которые обусловили развитие материалистических идей в Польше последней трети XVIII. Здесь необходимо вначале остановиться и на предыстории рассматриваемого периода.

В XVI в. в основном закончился процесс формирования многонационального феодально-крепостнического польского государства - Речи Посполитой, которое возникло в результате унии Польского королевства и Великого княжества Литовского. Под властью Речи Посполитой в результате унии оказались земли Белоруссии и правобережной Украины. Они стали объектом усиленной польской феодальной колонизации и здесь выросли обширные владения польских магнатов (крупных феодалов). Украинский и белорусский народы подпали под тройной гнет - феодальный, национальный и религиозный. Католическая церковь, а также «униатская» церковь (созданная папским Римом как средство постепенного вовлечения не католиков Восточной Европы в русло католицизма) всеми силами содействовали политике ополячения украинского и белорусского крестьянства.

Двухвековая история Речи Посполитой - это история острой борьбы крестьянства против феодалов-угнетателей. В то же время это - история борьбы украинского и белорусского народов за свое освобождение; и в этой борьбе они в лице русского народа видели своего естественного союзника и освободителя.

В XVII в. украинский народ под руководством выдающегося государственного деятеля Богдана Хмельницкого добился освобождения Киева и левобережной Украины от польского феодального ига и воссоединения освобожденных украинских земель с Россией; но под властью польской шляхты продолжали оставаться крестьяне Литвы, западной Белоруссии и правобережной Украины. Острые национальные противоречия, свидетельствовавшие о непрочности Речи Посполитой, продолжали раздирать это многонациональное государство. Просветитель Гуго Коллонтай в сочинении «Состояние просвещения в Польше в последние годы правления Августа III» писал о том, что большая часть народа не имела никакой связи с правительством страны из-за отсутствия общего языка. Польская шляхта рассматривала народные массы различных национальностей, населявших Речь Посполиту, как свой рабочий скот, нещадно эксплуатируя крестьян.

Речь Посполита была не совсем обычным феодальным государством. Это была своего рода шляхетская республика. Королевская власть в процессе создания единого польского государства оказалась не в состоянии использовать города для того, чтобы, опираясь на них, подавить феодальный сепаратизм и обуздать произвол магнатов. В течение ряда столетий дворяне, используя свое экономическое всевластие в стране, подорвали хозяйство польских городов, опутав их налогами и лишив прежней посреднической роли в экспортной торговле. Шведская интервенция в середине XVII и в начале XVIII в. ещё более подорвала благосостояние польских городов, и они не смогли стать силой, которая предотвратила бы нарастание роковой для существования Речи Посполитой государственной анархии.

Игорь Сергеевич Нарский

ФИЛОСОФИЯ ПОЛЬСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Лекции

М.: изд-во МГУ. 1958

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Воссоединение польских земель, а затем превращение польского государства в многонациональное сопровождалось ограничением прав королевской власти. В конце концов дело дошло до того, что короля стали избирать, и при вступлении на престол он подписывал ряд обязательств перед избравшими его феодалами. Ф.Энгельс определил государственный строй Речи Посполитой как «дворянскую демократию» с монархом во главе, покоящуюся на крепостной зависимости. Но демократия существовала лишь для дворян, а говоря точнее, только для дворянской верхушки. Ф.Энгельс поэтому охарактеризовал ее как одну из отсталых форм политического устройства. Мелкая и средняя шляхта представляла собой орудие в руках магнатов, вечно занятых распрями и междоусобицами» и продававших национальные интересы Польши иностранным государствам. В то время, когда в Западной Европе и в России происходил процесс укрепления абсолютной монархии, Речь Посполиту всё более охватывали внутренние неурядицы. Временами в государстве фактически отсутствовала исполнительная власть, а границы никем не охранялись. Дворянский сейм постоянно находился в парализованном состоянии: голоса одного единственного депутата было достаточно для того, чтобы отклонить решение, принятое голосами всех остальных депутатов (так называемое право *liberum veto*). Все это означало развал польского государства.

Несравненно более плачевным, чем положение основной массы дворянства, было положение горожан. Просветитель Франтишек Езерский в «Катехизисе о тайнах польского правительства» писал: «Горожанин не является человеком в полном смысле слова, он существо промежуточное между человеком-шляхтичем и нечеловеком-крестьянином. Горожанин, говоря языком теологии, представляет собою неполную субстанцию»². Ремесленники и торговцы не пользовались многими из тех прав, которые были предоставлены дворянству.

Что касается основной массы населения страны - крепостных крестьян, то они были вообще бесправными. Изнывая под тяжестью непосильной барщины, хозяйства крестьян в XVIII в. пришли в упадок. Феодальный способ производства исчерпал себя. Станислав Сташиц в книге «Предостережения Польше...» описывал положение польских крестьян в следующих словах: «Они носят имя «хлоп», обозначающее последнюю степень презрения. Их пищу составляет хлеб из непросеянной муки, а в течение четверти года - одна мякина; их питьем является вода и обжигающая внутренности водка. Жилищами им служат землянки или шалаши, чуть поднимающиеся над землей; солнце не имеет туда доступа; они наполнены смрадом и тем благодетельным дымом, который, не пропуская света, избавляет их от зрелища своей собственной нужды; он душит их днем и ночью, сокращая их мучительную, жалкую жизнь. Больше всего он убивает детей в младенческом возрасте. В этой смрадной и дымной темнице хозяин, утомленный дневным трудом, спит на подстилке из гнилой соломы»³. Крестьяне отвечали на безжалостную эксплуатацию побегами, поджогами помещичьих имений, спорадическими восстаниями.

В XVIII в. Речь Посполита, раздираемая классовыми и национальными противоречиями, стала предметом дележа со стороны более сильных соседей - царской России, Австрии и Пруссии. Инициатором разделов выступила Пруссия. Первый, частичный раздел произошел в 1772 г.

В эпоху падения Речи Посполитой, когда явственно обнаружилась угроза порабощения самого польского народа, а Пруссия и Австрия захватили ряд коренных польских областей, часть господствующего класса Польши ощутила необходимость принятия действенных мер для спасения ее государственной самостоятельности и выступила против магнатов-антипатриотов. Таким образом в среде помещичьего класса наступил раскол. Патриотически настроенная шляхта обрела союзника в лице растущей польской буржуазии, которая во второй половине XVIII в. на базе развития мануфактур начала превращаться в заметную силу. Эти две социальные группы были заинтересованы в укреплении государственной власти, которая была бы в состоянии проводить покровительственную по отношению к промышленности и торговле политику. Образовался шляхетско-буржуазный политический блок, и укрепление польской государственности стало одной из его главных задач.

На сейме 1788-1792 гг. блок приступил к проведению в жизнь прогрессивных реформ. Высшей точкой на пути борьбы за реформы было принятие так называемой Конституции 3 мая 1791 г. Она ликвидировала наиболее уродливые средневековые черты государственного строя Польши: отменила выборность королевской власти, сделав ее наследственной, устранила *liberum veto* и т.д. Болеслав Берут назвал Конституцию 3 мая первой попыткой, «слабой и еще несмелой, но подрывающей тиранию, привилегии магнатов и шляхты»⁴. Однако сословное неравенство не было уничтожено конституцией; получение политических прав буржуазией предусмотрено было только в отношении ее верхушечного слоя и притом лишь в индивидуальном порядке, посредством так называемой нобилитации, то есть включения в состав дворянства. По этому поводу Ф.Езерский в специальной брошюре писал, что данное мероприятие имело целью отколоть мещанство от народных масс, но отнюдь не дать ему полноту прав. Положение крестьян вообще не изменилось.

Виднейшие деятели шляхетско-буржуазного блока - Коллонтай, Сташиц, Езерский - видели, что главное зло общественного устройства Польши состоит в крепостничестве. Но они призывали не к крестьянской революции, а лишь к реформе сверху, которая предоставила бы крестьянам личную свободу. Призыв этот не нашел отклика у шляхты, и реформы, принятые на сейме, не смогли обеспечить независимости Польши.

Магнаты восстали против Конституции 3 мая, образовав так называемую Тарговицкую конфедерацию и обратившись за помощью к Екатерине II и Фридриху-Вильгельму II. Польша была оккупирована иностранными войсками, Конституция 3 мая была отменена. В 1793 г. произошел второй частичный раздел Польши соседними феодальными державами.

Таким образом, крупные польские феодалы, опасаясь потерять свое привилегированное положение и очутиться лицом к лицу с восставшим в борьбе за свою свободу польским народом и, прежде всего, крестьянскими массами, пошли на национальную измену и предали интересы своей родины, ее суверенитет. Сташиц в книге «Предостережения Польше, вытекающие из современных политических отношений в Европе и из законов природы» с возмущением писал: «Кто издавна мешал законодательной деятельности и срывал сеймы? - Магнаты... Кто продавал корону? - Магнаты. Кто покупал корону? - Магнаты. Кто вводил чужеземные войска в страну? - Магнаты»⁵.

Игорь Сергеевич Нарский

ФИЛОСОФИЯ ПОЛЬСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Лекции

М.: изд-во МГУ. 1958

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

На второй раздел Польши польский народ ответил национально-освободительным восстанием под руководством Тадеуша Костюшко (1794). В восстании приняли участие не только шляхта, но и крестьяне и городские низы. Героизм крестьян-повстанцев определил первые успехи движения. Но интересы крестьянства не сводились лишь к обеспечению национальной независимости польского народа; они стремились уничтожить феодально-крепостнические порядки. Однако шляхта, несмотря на призывы Костюшко, не пошла навстречу стремлениям крестьян. В своем «Поланецком универсале» Костюшко в этих условиях смог лишь провозгласить личную свободу крестьян и пообещать запрещение барщины.

Не дождавшись радикального разрешения аграрного вопроса, крестьяне стали отходить от движения, восстание было разгромлено.

В 1795 г. произошел третий, на этот раз полный, раздел Польши между Россией, Пруссией и Австрией. Польский народ потерял свою самостоятельность. Третий раздел еще раз продемонстрировал то, что в страхе перед крестьянской революцией магнаты предпочитают прятаться за штыки могущественных феодальных соседей. Третий раздел Польши, как и разделы, ему предшествовавшие, показал, что он был осуществлен в интересах реакции. Если воссоединение белорусских и украинских земель с Россией было прогрессивным явлением, то разделы собственно польских территорий сыграли реакционную роль: они закрепляли феодальные порядки и усиливали феодальные монархии центра и востока Европы.

В период разделов и после них в Польше разворачивается национально-освободительное движение. Оно приняло значительный размах и остроту, поскольку в это время поляки находились уже на пути своего превращения в буржуазную нацию. Потеряв положение командующей народности, в котором поляки ранее находились в течение продолжительного времени, они попали в положение зависимой нации; но в это время они обладали уже сравнительно высоко развитым чувством национальной гордости и достоинства. Чувства эти обострялись еще более в силу того, что разделы происходили как бы целой серией, нанося Польше всё более глубокие удары. Разделы и переделы усугубляли мучения польского народа, давали ему возможность более отчетливо осознать всю глубину национальной катастрофы.

В середине XIX в. борьба польского народа за свое национальное освобождение имела; как на это указывали К.Маркс, Ф.Энгельс и В.И.Ленин⁶, общеевропейское прогрессивное значение. Она являлась важным резервом буржуазно-демократического революционного движения. Прогрессивное значение восстания Т.Костюшко вышло далеко за пределы Польши, хотя в конце XVIII в. польское национально-освободительное движение возглавлялось еще шляхтой. Это восстание помешало Екатерине II бросить свои войска на подавление буржуазной революции во Франции: для царского самодержавия была страшнее поднявшаяся в непосредственной близости Польша, которая «...имела мужество конституцией 3 мая 1791 г. водрузить знамя французской революции на берегах Вислы - акт, которым она поставила себя гораздо выше всех своих соседей⁷.

Развитие польского Просвещения относится к начальному периоду национально-освободительного движения в стране. Это была идеология патриотического блока передовых групп шляхты и буржуазии. Принятие Конституции 3 мая 1791 г. и восстание 1794 г. - кульминационные пункты в деятельности этих общественных групп.

Теоретической основой идеологии польского Просвещения был польский материализм XVIII в.; он сложился преимущественно в «кузнице Коллонтая», то есть своего рода политическом клубе варшавских просветителей, развернувших агитацию за принятие Конституции 1791 г. Мировоззрение польских просветителей XVIII в. было теснейшим образом связано с антифеодальным и национально-освободительным движением. Крупнейшие его представители - Коллонтай и Сташиц - отстаивали идею равенства всех наций и национального суверенитета. Они призывали к соединению философии с практикой, понимая под этим обязанность философа принять самое активное участие в изыскании средств спасения нации, в распространении «света знания» как средства подъема всех жизнеспособных сил нации к патриотической борьбе. «Свет знания» призван был также внедрить в хозяйственную деятельность данные естественных наук. Польские просветители-материалисты верили в то, что их идеи пробудят во всех сословиях Польши чувства человеческого достоинства, ненависть к угнетению и патриотическое рвение.

Польские материалисты много внимания уделяли поискам причин падения Польши, для того чтобы твердо указать на средства, ведущие к ее восстановлению. Следовательно, было необходимо раскрыть закономерности польской истории, а в связи с этим и общие закономерности исторического процесса. Неудивительно поэтому, что польским материалистам XVIII в. был свойствен значительный интерес к проблемам социологии. Изучая социологические вопросы, они в ряде случаев, как и Гельвеций и Кондорсэ, приблизились к преодолению типичного для XVIII в. антиисторического подхода к оценке событий прошлого. Рассмотрение феодализма как результата беспорядочного чередования «глупых» поступков и разнообразных «ошибок» государственных деятелей и правителей было неприемлемо для передовых польских философов конца XVIII в. При таком методе объяснения событий получилось бы, что период значительного блеска и могущества Польши, относившийся к эпохе феодализма, следовало бы расценить как совершенно случайный, равно как и последовавший затем период неуклонного ее упадка и внутреннего разброда. Субъективность и бесплодность такого подхода к историческим фактам была очевидной.

Вследствие значительной остроты социальных и национальных антагонизмов в Польше польскому материализму конца XVIII в. был присущ ряд диалектических идей, в особенности проявившихся во взглядах на общественную жизнь. Некоторые диалектические идеи (учение о всеобщем развитии природы) были присущи и натурфилософским взглядам польских материалистов. Здесь сказалось, в частности, то обстоятельство, что они опирались в своих философских обобщениях на более высокий уровень в развитии естествознания, чем материалисты середины XVIII в. Сочинения выдающихся французских просветителей, выдвинувших принцип эволюционного развития, - Бюффона и Кондорсэ⁸ - были для польских материалистов исходным пунктом для дальнейшего углубления этого принципа. Наличие диалектических идей в сочинениях польских материалистов конца XVIII - начала XIX в. привело к возникновению внутреннего противоречия в их методологии, метафизической в своей основе. Наличие этого противоречия было симптомом приближающегося краха метафизических воззрений на мир.

Игорь Сергеевич Нарский

ФИЛОСОФИЯ ПОЛЬСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Лекции

М.: изд-во МГУ. 1958

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

С другой стороны, идеи диалектики в трудах польских материалистов носили стихийный характер. Они обычно высказывались в недостаточно четкой форме; не была осознана их противоположность метафизике. Это приводило к тому, что диалектические идеи в трудах польских материалистов иногда растворялись в представлениях, коренным образом им противоположных, подавлялись компромиссной, половинчатой точкой зрения, не выходявшей за пределы метафизики.

Компромиссность в мировоззрении польских материалистов конца XVIII в. выразилась в их отношении к религии и явилась прямым следствием компромиссного характера политического блока, идеологию которого выражала польская материалистическая школа. Польское Просвещение XVIII в. не решалось на прямой разрыв с религией, как это было свойственно, например, таким французским материалистам, как Гольбах, Гельвеций, Дидро. Идеология польского Просвещения была в этом вопросе по преимуществу антиклерикальной, но она бросала обвинение не только церковникам, но и самим религиозным верованиям в мракобесии и охране невежества, а всем служителям культа - в человеконенавистническом фанатизме. В своей борьбе против польских иезуитов и католиков-клерикалов, против их идейных принципов польские просветители не поднялись до атеизма. Религиозная нетерпимость и угнетение совести, засилье схоластики и клерикализма, но не вера в потусторонний мир вообще были для них главным объектом критики. Их философской позицией в данных вопросах был деизм.

Классическим выражением точки зрения деизма было представление Вольтера о божестве. С точки зрения Вольтера, бог - это сила, которая создала мир и его естественные законы, а затем не вмешивается в процессы, в нем происходящие. Это представление было близко к деизму Коллонтая и Сташица.

Деизм польских просветителей носил крайне отвлеченный характер и означал только признание бога как первопричины мира. Если польские деисты конца XVIII в. и признавали бога, то они сводили его роль к функции начального звена мира наподобие исходной точки в исчислении времени, либо исходного толчка в механическом движении. Иногда бог выступал у них как наиболее общее (и в этом смысле «исходное») выражение единства вселенной.

Из философских работ Коллонтая исчезли последние остатки учения о личном характере божества. Нередко слово «бог» в его работах употребляется как синоним понятия «природа». Но в публицистике, вышедшей из-под его же пера, нередко говорилось о боге в обычном для современных ее читателей понимании. Происходило это потому, что публицистика Коллонтая была обращена к широкой, нефилософски настроенной аудитории. Необходимо было учитывать традиции её духовного воспитания.

Главным представителем философии польского Просвещения является Коллонтай. Выдающийся польский просветитель **Гуго Коллонтай** (1750-1812) родился в небогатой шляхетской семье. Он получил образование в высших учебных заведениях Кракова, Вены, Рима, Неаполя. Для того чтобы получить возможность работать в области народного образования, Коллонтай был вынужден принять духовный сан. Он стал самым активным деятелем Эдукационной комиссии - первого в мире министерства просвещения, - учрежденной в связи с изгнанием из Польши ордена иезуитов, который до этого момента занимал монопольное положение в системе образования. Коллонтай, совместно с другим видным просветителем Яном Снядецким, осуществил реформу Краковского университета, организовав переход к преподаванию на родном языке вместо средневековой латыни и настойчиво пропагандируя «светские» науки, отвечающие практическим потребностям экономического развития страны.

В период работы сейма 1788-1792 гг. Коллонтай выдвинулся как общепризнанный идеолог шляхетско-буржуазного блока. Ему принадлежит заслуга формулировки основных требований этого блока в сочинениях: «Письма Анонима» (1788), «Последнее предостережение Польше» (1790). Программа реформ формулируется в это время также в произведениях, вышедших из-под пера ближайших соратников Коллонтая, сгруппировавшихся вокруг него и образовавших своего рода политический «клуб патриотов» («кузница Коллонтая»): Франтишка Езерского, Антония Трембицкого и других. Конституция 3 мая была принята сеймом главным образом благодаря деятельности «кузницы».

Одним из самых активных участников «кузницы» был ближайший сподвижник Коллонтая Ф. Езерский, который умер в 1791 г. В остроумных памфлетах «Катехизис о тайнах польского правительства» и «Некоторые слова в алфавитном порядке» Езерский бичевал не только магнатов-антипатриотов, но и шляхту в целом. Усматривая в простом народе основную действующую силу исторического процесса, он указывал, что «простой народ» составляет «первое сословие» нации, ее основу. Не случайно в «Некоторых словах в алфавитном порядке» он поместил слова «уличный фонарь». Объясняя это понятие, он прозрачно намекнул на то, что не плохо бы последовать примеру французских плебеев, использовавших фонари на улицах в качестве импровизированных виселиц для аристократов.

После победы контрреволюционной Тарговицкой конференции, ликвидировавшей Конституцию 3 мая, Коллонтай эмигрировал в Саксонию и вместе с Костюшко приступил к подготовке восстания. Коллонтай стал одним из членов повстанческого правительства, активно участвуя в его деятельности. Общественно-политические взгляды Коллонтая становятся теперь более радикальными: он выступает как лидер польских республиканцев, которые даже получили по его имени название «гугонистов».

Восстание Костюшко было подавлено, и австрийские власти арестовали Коллонтая. В течение восьми лет он томился в крепостном заключении.

В эти тяжелые годы (1794-1802) польский просветитель написал свои главные философские труды: «Физическо-моральный порядок, или наука о правах и обязанностях человека, полученных из анализа вечных, неизменных и необходимых законов природы» и «Критический анализ основ истории начала человеческого рода». Философское значение имеют также «Письма о научных проблемах», относящиеся к различным годам деятельности Коллонтая и изданные в 1844 г.

Интересно отметить оценку, данную трудам Г. Коллонтая великим польским революционным демократом Эдвардом Дембовским в «Очерке истории польской литературы» (1844): «Вообще все сочинения Коллонтая очень занимательны и поучительны и содержат очень важные вещи с точки зрения политической, исторической и философской»⁹.

В 1803 г., после освобождения, Коллонтай переехал на Волынь, где совместно с Т. Чацким основал Кременецкий лицей. Это учебное заведение в течение ряда десятилетий XIX в. хранило и пропагандировало традиции просветительного материализма.

Умер Коллонтай в начале 1812 г в Варшаве, всеми забытый и покинутый. Он был похоронен в общей могиле бедняков.

Игорь Сергеевич Нарский

ФИЛОСОФИЯ ПОЛЬСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Лекции

М.: изд-во МГУ. 1958

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

В философских сочинениях Коллонтая и прежде всего в «Физическо-моральном порядке» мировоззрение польского Просвещения конца XVIII в. получило наиболее систематическое изложение. Природа, согласно взглядам Коллонтая, - это совокупность материальных тел, соединенных воедино бесконечной и неизменной цепью причинных связей¹⁰. В учения о неизменности этих связей получила одностороннее метафизическое истолкование относительная устойчивость законов природы.

Причинную зависимость Коллонтай понимает в духе рационализма XVII-XVIII вв. по аналогии с формально-логической связью основания и следствия. В цепи причин, которая все более разворачивается и усложняется, имеется, как он считает, некая исходная, высшая причина, первопричина. Эту высшую причину Коллонтай и называл нередко богом

Подобную конструкцию можно встретить также у французских физиократов. Философские и экономические сочинения крупнейшего их представителя - Франсуа Кенэ¹¹ (1694-1774) оказали на Коллонтая некоторое влияние. Однако Коллонтай относился к сочинениям Кенэ критически, называя их «собранием великих истин и заблуждений».

Отождествление высшей причины с понятием бога говорит о деистической ограниченности материализма Коллонтая, но в ряде случаев первопричина для Коллонтая означает либо естественную сущность всех вещей, либо материальный мир в его единстве, в отличие от отдельных телесных образований. Такое толкование первопричины выступает у Коллонтая не в форме побочных оговорок, а в главнейших по важности формулировках его философской системы. Так, например, уже в I разделе «Физическо-морального порядка» он заявляет, что «причину, которая породила все существа и подчинила их устойчивым, неизменным и необходимым законам»¹², именуют также природой. В «Критическом анализе...» польский просветитель считает проблему первопричины вообще не существенной для естествознания¹³.

В связь с вышеприведенными положениями следует поставить просветительские выступления Коллонтая против религиозного истолкования мира. Коллонтай не отвергал открыто католическую религию. Нельзя забывать, что ему пришлось жить и работать в стране, где засилье католического духовенства, подчинение духовной жизни народа его контролю достигали исключительных размеров. Выступив с критикой религиозных верований, Коллонтай делал вид, что объектом этой критики являются лишь нехристианские, по преимуществу языческие, верования. Знаменательно, однако, его признание о содержании одного из своих сочинений в письме к С.Б.Линде от 28.2.1809 г., где он писал, что в этой работе не говорится о христианстве, но каково оно, показано уже самим разбором древних религий и их догматами.

Коллонтай скептически высказывался о существовании ангелов и иных бесплотных духов; он относит догмат о сотворении мира богом к числу положений, не представляющих какого-либо реального интереса для науки. Религия не имеет права голоса при решении вопросов естествознания. В предисловии к своему главному философскому труду Коллонтай подвергает сомнению учение о божественном откровении и «священном писании» как источниках знания: «...догматическая наука, - писал он, - ввела самые отвратительные и омерзительные обряды... слепо подчиняя себе разум». К религиозным текстам он считал возможным подойти, как это делал Спиноза, с методом исследования, применяемым к обычному литературному произведению, дошедшему до нас с древних времен, выясняя в них наслоения различного времени, противоречия и т.д. Такой подход к библии обнаруживается у Коллонтая в его «Критическом анализе основ истории начала человеческого рода». Все это невольно приводило читателей к выводу о сомнительности не только религии ислама и идолопоклонства, но и католической догматики.

К тому же выводу вело утверждение Коллонтая, что религия не может поддержать в людях разумной морали, а также опровержение им религиозных сказок о чудесах. «То, что физически невозможно, то, рассматривая с исторической точки зрения, относится к числу легенд, рассчитанных на легкоеверие»¹⁴.

Аналогично своему натуралистическому истолкованию понятия «высшей причины», Коллонтай интерпретирует также понятия «предназначение» (цель) человека и «провидение». Предназначение человека заключается в неукоснительном следовании естественным законам¹⁵. Таким образом из этих понятий удаляется теологическое содержание; целевая направленность оказывается тождественной причинно-следственной связи, выступает как иносказательное обозначение последней.

Соответственно материалистическому истолкованию сущности мира Коллонтай решает и проблему соотношения телесного и психического в человеке. Он выступает против религиозных представлений о возможности существования души вне человеческого тела. Польский просветитель определял сознание как функцию мозга, мозг же называл «органом», создающим «представление». Мозг человека и его органы чувств - вот тот объективный субстрат, на основе которого развивается духовная деятельность человека.

В «Размышлениях над снами и ночными грезами в Юзефштадте» Коллонтай подчеркивал роль внешней среды и состояния организма при возникновении сновидений¹⁶.

Из факта зависимости психики человека от физических, материальных условий Коллонтай выводил основные принципы своей теории познания. Эти принципы представляют большой интерес. Гносеологическим вопросам посвящена большая часть «Подготовительных рукописей к «Физическо-моральному порядку».

Теория познания Коллонтая в своей основе материалистически-сенсуалистическая. Началом познания являются чувственные впечатления, затем ощущение «сообщает мысли образ вещи»¹⁷. Ощущение он называет «первым ключом» знания, а поиски внечувственных сущностей - делом безрезультатным и бессмысленным. Последний тезис Коллонтай направляет специально против схоластики, считавшей главным объектом изучения именно некие внечувственные, духовные сущности. Занимаясь схоластической философией, человек губил «свой разум химерическими представлениями и словесными выражениями, в которых, кроме звуков, ничего не понимал, и во вред себе затемнял свои способности познания»¹⁸.

Своеобразие теории познания Коллонтая состоит, в частности, в том, что ей присущи значительные колебания в вопросе о гносеологическом соотношении рационального и чувственного, о роли рационального момента в познании. Эти колебания напоминают отчасти соответствующую проблематику в гносеологии Локка, также компромиссной и соответствовавшей по своему духу классовому компромиссу в Англии после революции 1688 г.

Колебания Коллонтая в решении проблем теории познания также в известной мере соответствуют духу колебаний и компромисса, характерного для его политических взглядов.

В отличие от Англии, где дух политического компромисса возник в результате антинародного сговора победителей, в условиях Польши он отражал интересы союза буржуазии с относительно передовыми группами господствующего дворянского класса с целью завоевания условий успешного буржуазного прогресса в трудной обстановке 90-х годов XVIII в.

Коллонтай признает значительную самостоятельность разума в познании. Он считает разум, наряду с совпадающими друг с другом восприятиями ряда лиц, одним из критериев истинности знания. Но он не смог понять диалектики соотношения чувственного и рационального в ходе познания, хотя и говорил об их взаимодействии: ощущения и разум «в действии своем зависят взаимно друг от друга и одно без другого действовать не могут»¹⁹. Этот процесс он понимал как простое отображение действительности сначала в чувственном, а затем в «мысленном» представлении, причем эти представления взаимно проверяют друг друга. Очень интересны мысли Коллонтая о взаимном влиянии потребностей ощущений, рационального знания и желаний человека²⁰.

Познание должно служить целям практического использования предметов и процессов, происходящих в окружающем человека мире. Познавательные способности, присущие человеку, необходимы ему «не для праздных и не приносящих пользы исследований, но для познания вещей, поскольку его с ними связывают собственные потребности»²¹.

Познание совершается поступательно по восходящей линии. Люди, раскрыв сущность одних вещей, переходят к тому, чтобы раскрыть сущность других; процесс познания является историческим процессом, а не одноразовым актом. Исторически происходит и развитие познавательных способностей человека. Постепенно, по мере роста науки и технических средств, в распоряжение людей поступают все более совершенные инструменты и приборы, позволяющие расширять далее наши познавательные возможности. Эти идеи, напоминающие отчасти взгляды Кондорсэ на прогресс наук, польский просветитель специально развивал в своих «Подготовительных рукописях». Положительное значение их заключалось, в частности, в том, что они подготавливали преодоление взгляда на познание как на процесс не исторический, но одноразовый, мгновенно схватывающий познаваемую сущность. Человек приобретает знание постепенно, «то, чего он не знал, познает со временем, и то, чего не знал хорошо, со временем познает лучше»²². С другой стороны, эти идеи были направлены против агностицизма, в котором Коллонтай видел вреднейшую помеху на пути развития наук. В этой связи в письмах, адресованных, например, к Яну Снядецкому, он отрицательно отзывался о кантианской философии, хотя, впрочем, отдельные формулировки самого Коллонтая не свободны от пережитков агностических идей в его собственных воззрениях. Но не вызывает никаких сомнений, что главное направление рассуждений Коллонтая - антиагностическое. Как утверждал Коллонтай в «Подготовительных рукописях», познание движется от незнания к знанию, от знания внешнего, бросающегося в глаза с первого взгляда, к знанию внутреннего, главного, существенного, к познанию «вещей в себе».

Подводя итоги своим воззрениям в области теории познания, польский просветитель в III разделе «Физическо-морального порядка» сформулировал следующие пять правил метода познания: 1) познание следует начинать с изучения физических явлений, переходя затем к изучению «моральных» явлений то есть жизни человека; 2) следует выделять в познании главное, обращая на него, в отличие от второстепенного, основное внимание; 3) исследования следует начинать с анализа наиболее простых предметов; 4 и 5 правила метода направлены против досужих домыслов и сомнительных умствований. Эти правила предостерегают против необоснованных обобщений то есть в конечном счете против схоластической методологии. Коллонтай призывает не брать на веру все имеющиеся данные. «Сомнение» его, как и соответствующий принцип Декарта, не носит агностического характера, но, наоборот, направлено против тех, кто засоряет науку враждебным ей словесным балластом. Третье правило Коллонтая перекликается с аналогичным правилом метода Ренэ Декарта, а первое - формулирует закон такой последовательности в познании, которая соответствовала бы исходным посылкам материалистической философии.

Особого внимания заслуживает второе правило метода Коллонтая. Оно намечает разграничение между существенным и несущественным в познании, внося мотив, который в малой мере свойствен гносеологическим построениям, наиболее типичным для французского материализма XVIII в.

Согласно первому правилу метода, к познанию законов человеческой жизни следует приступить на базе основательного изучения законов физической природы. Коллонтай постоянно подчеркивал необходимость обоснования «моральной философии» на знании природы вообще и человека в особенности. Философия естественных явлений должна быть предпосылкой философии явлений человеческой жизни и определять законы последней. Точно так же он подчеркивал необходимость обоснования философии в целом на обобщениях разнообразных естественнонаучных данных. Он пропагандировал естественные науки и призывал поставить их на службу интересам народа.

Отметим, что сам Коллонтай много занимался геологией и географией, пропагандировал, наряду с Яном Снядецким, астрономическую теорию великого представителя польской науки Николая Коперника. За 30 лет до Лайеля Коллонтай предвосхитил теорию медленного развития земной коры под влиянием совокупности различных естественных факторов, переключаясь тем самым отчасти с идеями труда Ломоносова «О слоях земных» (1763).

Изучение законов человеческой жизни призвано, по Коллонтаю, определить принципы правильного поведения человека. В разработке «разумной» этики он и видел основную задачу философии, главное выражение связи ее с жизненной практикой людей. Устранение государственной анархии, восстановление независимости польского государства, уничтожение феодальных порядков - вот та совокупность общественных требований, которые Коллонтай стремился обосновать при помощи своей материалистической философии. Этика выступала в его учении как звено, логически связующее законы единообразной природы с одинаковыми и равными для всех законами «естественного и разумного» человеческого общежития. То, что этика должна занять именно такое место в системе мировоззрения, обосновывается Коллонтаем в VII и X разделах его основного философского труда.

Исходной посылкой этики и социологии Коллонтая является утверждение, что человек есть естественное существо, необходимо связанное с физическим строем вещей целого мира. Коллонтай разделял антропологическую точку зрения, будто социальные явления определяются психологией отдельных человеческих индивидуумов. Поэтому такой взгляд на вопрос неизбежно вел к идеализму.

В качестве главных естественных законов человеческой природы Коллонтай указывал на стремление людей к самосохранению и удовлетворению своих потребностей. Из этих законов, по Коллонтаю, вытекают естественные права и соответствующие им обязанности, касающиеся либо отдельных личностей, либо социальных отношений между ними: право частной собственности и личной свободы, право на взаимопомощь, право на заключение добровольных соглашений, право договариваться об обмене товарами и о найме на работу, обязанность соблюдать заключенные договоры и соглашения, уважать свободу и собственность других лиц. Эти рассуждения Коллонтая носили несомненно буржуазный характер. Коллонтай идеализирует принцип формально-юридического равенства, пытается обосновать «естественность» и вечность права частной собственности.

Игорь Сергеевич Нарский

ФИЛОСОФИЯ ПОЛЬСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Лекции

М.: изд-во МГУ. 1958

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Свою этическую концепцию Коллонтай противопоставил идеям религиозного аскетизма. Непосредственно выводя ее из утверждавшихся им принципов «человеческой природы», он был убежден, что моральная жизнь не требует никаких религиозных санкций. Личность «может сохранять права и исполнять обязанности и тогда поступок будет хорошим; она может нарушать и преступать их, тогда действие будет плохим»²³.

Но поступки первого рода в согласии с содержанием, вкладываемым Коллонтаем в те права и обязанности, которые этим поступкам соответствуют, должны привести, как это нетрудно усмотреть, к накоплению собственности в руках отдельных лиц, поступки второго рода - к утрате ее. И Коллонтай делает следующий шаг: благо отождествляет с богатством, а зло - с бедностью, нищетой. Необходимой предпосылкой для этого шага, кроме сказанного, должно было быть отождествление земного, чувственного счастья с моральным идеалом. Но это отождествление представлялось Коллонтаю само собой разумеющимся, и он не считал нужным специально его доказывать. Поскольку он объявлял добро результатом следования человека законам природы, следовательно, человек от природы добр и общителен; он стремится к другим людям, ибо нуждается в них. Источником добра должна быть собственность, а путь к последней, согласно разделяемой Коллонтаем буржуазно-просветительской иллюзии, лежит только через «честный труд». Недаром Коллонтай, не соглашаясь с Руссо, утверждал, что всякая, в том числе и крупная, частная собственность является благом, и возникла она не от насилия или от других подобных причин, а будто бы лишь в результате того, что люди владели плодами собственного «честного труда» и количество этих плодов постепенно значительно возросло.

Причины зла коренятся лишь в ошибках, заблуждениях людей. Высшее благо состоит в достижении благосостояния всего общества; он понимает этику как науку о правильном устройстве государств, которая имеет целью достижение всеобщего блага.

Но каким образом может быть совмещен принцип всеобщего механического детерминизма, свойственный философии Коллонтая, с требованием, обращенным к каждому человеку - подчинить свои интересы интересам общественного блага. Пытаясь дать ответ на этот вопрос, Коллонтай идет не по пути поисков доказательства возможного совпадения, тождества общественных и личных интересов, но непосредственно включает в свою этическую систему категорию долга личности перед обществом. Он пытается преодолеть слепой фатализм, мешающий обнаружить условия, при которых возможно следование требованиям долга. Коллонтай анализирует понятие свободы человека в его действиях и, подобно Локку, приближается к выводу, что свобода совпадает с познанной необходимостью. Свобода есть «ясное представление естественного закона». Автор этой формулы еще не освободился от пут созерцательности, сковывающих метафизический материализм, но в философских сочинениях самого Коллонтая чувствуется неудовлетворенность таким пониманием свободы, которое отождествляет ее с сознанием, ведущим к господству над своими чувствами и желаниями, но не над внешним миром.

Но он не пошел вое же дальше утверждения: «...свобода по отношению ко всем законам природы представляется только пассивной, по отношению же к нашим правам и обязанностям она *активна*»²⁴. Активность человеческой личности не объясняется, а лишь постулируется Коллонтаем, как это сделал и Локк.

Впрочем, сам фатализм обладал не только отрицательными чертами. Ведь если считать, что все происходит с одинаковой железной необходимостью, то столь же неизбежным, как наступление эпохи феодализма, должно быть и наступление «справедливого» (читай: буржуазного) строя. Вывод этот свидетельствовал об историческом оптимизме просветителей и неиссякаемой уверенности их в будущем.

Одна из характерных черт метафизических философских систем XVII-XVIII вв. состояла в их антиисторизме, в непонимании всеобщности развития. Если движение и признавалось за всеобщее свойство естественных предметов, то оно понималось не как внутреннее взаимодействие тел и не как поступательный процесс, ведущий к высшему, более сложному уровню развития, но как происходящее под влиянием внешних факторов и как бы по кругу, с возвращением все вновь и вновь к пройденным ранее этапам. В «Критическом анализе основ истории начала человеческого рода» Г.Коллонтай выдвигает положения, которые по сути дела начинают пробивать брешь в подобных метафизических представлениях. Сознательно такой задачи Коллонтай перед собой все же не ставил. Его стремление сводилось к тому, чтобы в этом сочинении, в отличие от «Физическо-морального порядка», где для него «неважно, каким был человек, важно, каким он должен быть», дать обзор происходивших раньше крупных отклонений общества от требований «человеческой природы». Однако, чем более мыслитель углублялся в эту проблему, тем более напрашивался вывод о том, что «человеческая природа» со временем сама изменялась, поскольку отклонения от нее происходили сплошь и рядом, а в чистом и незамутненном виде она не выступает в реальной истории нигде и никогда. И Коллонтай делает следующий вывод: «...исторические истины... могут быть открыты... только путем терпеливого наблюдения действий людей и действий природы, как они обнаруживаются в тех событиях, которые нам описывает история»²⁵. Мыслитель подчеркивает, что положение людей прошлого нельзя ни уяснить, ни понять, если выводиться его из нашего собственного разума и из состояния современного нам общества; нельзя здесь отделаться и ссылкой на ошибки людей. При изучении истории необходимо найти причину того, «почему все люди, либо те, кто ими правил, находясь в определенных условиях, вынуждены были поступать так, а не иначе, имели те, а не иные принципы социальной жизни»²⁶.

В конечном результате Коллонтай не выходит за пределы понимания исторического процесса как процесса постепенного совершенствования разума людей. Это было идеалистическое представление, и оно не было подорвано следующей догадкой, которая блеснула в одной из глав «Критического анализа», но оказалась изолированной от основного контекста идей мыслителя: «Образ жизни каждого человека зависит от способа удовлетворения потребностей. В зависимости от степени их удовлетворения создается его моральный характер, а удовлетворение этих потребностей зависит от владения и пользования теми вещами, которые его окружают...»²⁷

Кроме того, следует иметь в виду, что трудовую деятельность Коллонтай рассматривал как чисто биологическое свойство человека, качество не отличное от трудоподобной деятельности пчел, муравьев и приматов, а изменение образа жизни людей под влиянием изменений в их экономике понимал упрощенно, как прямое увеличение количества потребляемых ими продуктов питания, одежды и т.п.

В той конкретной картине развития человеческого рода, которую набрасывал Коллонтай, было еще много антиисторических и метафизических представлений. Он идеализирует буржуазные порядки, семью рассматривает как исходную ячейку общественной жизни и полагает, что «теократический» строй (под ним он понимал по преимуществу феодальное общество) возник в результате «обмана и насилия». В сочинениях Коллонтая, посвященных проблемам жизни общества, можно обнаружить немало интересных мыслей. Так, он высказывает идею, что государство появилось необходимым образом, в результате возникновения поземельной частной собственности, и одна из задач государственной власти состоит в том, чтобы сковать рамками «законности» конфликты, разгорающиеся из-за земли. Коллонтай сочувственно относился к широко распространенной в его время теории происхождения государства согласно общественному договору

Польский просветитель доказывал, что церковь играла в истории, как правило, реакционную роль. Она способствовала социальному и национальному гнету, разжигала фанатизм и распространяла в народе невежество. Церковники использовали в интересах распространения суеверий незнание людьми законов природы, толкавшее их к фантастическим предположениям о существовании божеств. Путем просвещения, по мнению Коллонтая, удастся во все большей степени ослабить воздействие религиозных домыслов на людские умы. В своей политической программе Коллонтай не решился полностью отвергнуть участие церкви в общественной жизни. Освободившись от подчинения интересам Ватикана, церковь в Польше, согласно его идеям, должна служить интересам национального государства, содействуя укреплению центральной власти. В «Описании города Москвы» (1807) Коллонтай, пробывший некоторое время в столице России, одобрительно оценил политику Петра I, лишившего церковь независимого от государства положения.

Каким же должно быть будущее устройство государства и прежде всего Польши на основании уроков прошлой истории? Коллонтай давал на этот вопрос следующий ответ; «теократический» строй, при котором феодалы создали народу невыносимые условия существования, должен неминуемо пасть. На смену ему придет «справедливый» общественный строй, соответствующий естественным законам. «Справедливый» строй, о котором мечтал Коллонтай, - по существу дела идеализируемое им буржуазное общественное устройство. Поскольку частная собственность вытекает из свойств человеческой природы, то она и будет краеугольным камнем будущего строя.

Применительно к Польше своего времени мыслитель предлагал осуществление следующих общественных преобразований, несущих на себе черты того классового компромисса, который соответствовал политической платформе шляхетско-буржуазного блока. Соответственно различиям в форме собственности население страны должно быть разделено на три сословия: землевладельцы, торгово-ремесленное сословие, владеющее продуктами ремесла, и крестьяне, полностью свободные лично, но располагающие лишь своими собственными руками. Русский просветитель Радищев в главе «Хотиллов» «Путешествия из Петербурга в Москву» прямо заявил: «Кто же к ниве ближайшее имеет право, буде не делатель ея»²⁸. Коллонтай же не идет дальше предложения освободить крестьян от феодальных повинностей, но не предоставляя им земли. Подобная реформа, если бы она была осуществлена, была бы шагом вперед в условиях Польши конца XVIII в., но она еще далеко не до конца упразднила бы феодальные отношения. Правда, Коллонтай считал желательным, чтобы земельная собственность была и у крестьян, но прямо с таким требованием не выступал.

Столь же компромиссными были и предложения Коллонтая в области политического устройства. В работе «Политическое право Речи Посполитой» Коллонтай предлагал дать полноту политических прав только сельским и городским землевладельцам. Учителя, солдаты, священники являются сословиями с неполными политическими правами, ниже стоит «неполитическое сословие» - крестьянство. Прогрессивность этого предложения Коллонтая состояла в том, что политические права должны были получить, кроме шляхты, также те купцы и ремесленники, которые владели земельными участками. Что касается крестьян, то Коллонтай полагал, что политические права давать им «рано» В этом отношении он разделял ограниченность, свойственную ряду других просветителей своего времени.

В условиях, когда лозунг республики использовался магнатами в реакционных целях закрепления состояния государственной разрухи, Коллонтай предлагал установить в Польше конституционную наследственную монархию с сословным сеймом; она парализовала бы своеволие магнатов и обеспечила государственное единство Польши и защиту ее границ. Эта программа была реализована лишь на короткий срок Конституцией 3 мая и притом только частично (поскольку сейм остался односословным, чисто шляхетским). К этой программе поэтому применимы те же оценки, которые были даны выше самой конституции.

Борьба за укрепление центральной власти в Польше того времени несомненно способствовала интересам прогресса, хотя и была ограниченной по средствам, которые Коллонтай считал возможным использовать в целях этой борьбы.

В историю польской общественной мысли Коллонтай вошел как страстный поборник равенства и свободы наций. Он бичевал национальное угнетение и требовал обеспечения суверенитета всех народов. «Белый ли невольник или он черный, - писал в 1790 г. Коллонтай в письме, обращенном к сеймовой комиссии, которой было поручено составить проект конституции, - стонет ли он под гнетом несправедливого закона или же под тяжестью оков, - все равно он человек и ничем не отличается от нас. Находится ли он в Европе или еще в какой части света, - все равно он равный другим гражданам земли»²⁹. После падения Конституции 3 мая Коллонтай в качестве одного из идейных принципов грядущего восстания указывал на положение: каждая нация должна быть свободна и независима и сама должна быть господином в решении вопроса, какую себе установить форму правления как наиболее ей соответствующую

Мировоззрение Гуго Коллонтая обнаруживает тесную связь философских взглядов мыслителя с его политической программой и собственным его практическим участием в общественной деятельности и освободительной борьбе. Философия Просвещения в данном случае выступала как теоретическая основа борьбы за национальное освобождение своей родины в тесной связи с антифеодальными социальными преобразованиями.

Одна из больших заслуг Коллонтая состояла в том, что он увидел необходимость и неизбежность этой связи. «Не может быть свободной страна, где человек невольник», - гласит знаменитое его изречение. Эта идея получила несравненно более глубокую разработку с иных классовых позиций уже в XIX в., в трудах идеологов польской революционной демократии.

Второй выдающийся польский просветитель конца XVIII - начала XIX в. - **Станислав Сташиц** (1755-1826).

Игорь Сергеевич Нарский

ФИЛОСОФИЯ ПОЛЬСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Лекции

М.: изд-во МГУ. 1958

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Если Коллонтай родился в шляхетской семье, то Сташиц является выходцем из буржуазных слоев. Недворянское происхождение принесло много неприятностей и трудностей, но он все же смог получить солидное образование в университетах Лейпцига и Гёттингена, провел два года в Париже, где завязал личные знакомства с энциклопедистами. Уже в это время Сташиц проявил значительный интерес к естествознанию, не ослабевавший и в дальнейшем. Особенно много занимался он геологией, совершив специальное путешествие по Альпам и Аппенинам, а в более поздние годы - в польские Карпаты. Впоследствии написанный им труд «О геологии Карпат и иных гор и равнин Польши» положил начало развитию отечественной геологической науки. Стремясь к пропаганде на своей родине передовых естественнонаучных идей, Сташиц перевел для этой цели на польский язык сочинение «Эпохи природы» знаменитого французского естествоиспытателя Бюффона. Введение Сташица к переводу «Эпох природы», изданному им в 1786 г., - один из главных документов, раскрывающих нам мировоззрение польского просветителя, и первое в Польше изложение главных принципов материалистического сенсуализма.

Из-за границы Сташиц вернулся на родину совсем еще юношей. Исполняя желание матери, он принял сан священника, что, впрочем, сыграло незначительную роль в его жизни и занятиях; Сташиц вернулся на родину уже глубоко скептически настроенным к церкви и религии, что получило свое отражение в его «Дневнике путешествий».

Важным событием в жизни Сташица стало его знакомство с бывшим канцлером Польши Анджеем Замойским, человеком образованным и понимавшим необходимость капиталистического развития Польши.

В 1787 г. вышло в свет сочинение Сташица под названием «Размышления о жизни Яна Замойского». Жизнь и деятельность предка А.Замойского Сташиц выбрал как символ тех времен, когда Речь Посполита была сильна и могущественна. В этом сочинении Сташиц, как и Коллонтай в написанных им «Письмах Анонима», указывает на угнетение крестьянства, бесправие горожан, произвол помещиков и политическую анархию как на те причины, которые привели Польшу к упадку и потере былого могущества.

В разгар работы сейма (1788-1792) Сташиц с целью воздействовать на общественное мнение и взгляды сеймовых депутатов написал вторую крупную публицистическую работу «Предостережения Польше» (1790). В этом сочинении Сташиц с большей определенностью отстаивает интересы молодой польской буржуазии и горожан вообще, хотя и далек от идеи революционного ниспровержения феодализма. Он взывает к гуманности и здравому смыслу шляхтичей, пытается пробудить в них чувства глубокого патриотизма и понимания подлинных интересов родины. Программа предлагаемых им мероприятий соответствует примерно принципам Конституции 3 мая. Следует, однако, заметить, что Сташиц считал необходимым обеспечить право крестьян на владение землей, хотя и не включал в число непосредственных требований предоставление им земельных участков в полную собственность.

В этом же году (1790) Коллонтай и Езерский анонимно выпускают брошюру «Последнее предостережение Польше», в которой продолжают дело Сташица и углубляют его критику социальных и политических порядков в стране.

Оба сочинения Сташица были важными и в философском отношении. В «Размышлениях о жизни Яна Замойского» имеются разделы философского содержания, в которых обосновывалась теория воспитания молодого поколения.

Еще до восстания Костюшки и в последующие годы Станислав Сташиц начал работать над колоссальной по размерам и замыслам философско-дидактической поэмой «Человеческий род». Завершена она была после его сорокалетней (с перерывами) работы, к 1819 г. Поэма была издана в составе собрания сочинений Сташица, заняв 7-9 тома. Это был обвинительный акт по адресу феодальных насильников, религиозного мракобесия и мрачной деятельности церковников на протяжении прошлых веков. Об этом произведении Эдвард Дембовский писал: «...в поэме «Человеческий род»... Сташиц провозглашает ненависть к монархам»³⁰. Сташиц стремился дать в поэме картину постепенного прогресса человечества, совершающегося путем кровавой борьбы. Мыслитель заклеил насильников и угнетателей и высказал оптимистическую уверенность в том, что их попытки задержать прогресс человечества окажутся тщетными.

Реакционные элементы «Королевства Польского» (входившего после поражения Наполеона I в качестве подчиненной части в Российскую империю) встретили поэму Сташица со страхом и яростью. Почти весь тираж ее по решению цензуры был уничтожен, сохранилось только несколько экземпляров. Имеется любопытное свидетельство о том, будто бы царский наместник князь Константин принял личное участие в уничтожении «крамольного» произведения, используя горящий камин собственного кабинета.

В последние годы жизни Сташиц отошел от непосредственного участия в политической деятельности. В 1808 г. он был избран председателем основанного в 1800 г. в Варшаве «Общества друзей науки» и руководил им вплоть до своей смерти. Его занимают геологические исследования. Не мало содействия оказал он, работая в Дирекции промышленности и искусств, организации польской горнодобывающей промышленности. Огромный интерес современников вызвал осуществленный Сташицем раздел земель его имения Грубешов между крестьянами.

Философские взгляды Сташица, как и Коллонтая, представляют собой разновидность метафизического материализма. Единая природа, вечно движущаяся согласно неизменным естественным законам, и необходимость для человека самым серьезным образом прислушаться к строгим требованиям природы и неукоснительно им следовать - вот главные мотивы этой философии.

Но у Сташица в большей, чем у Коллонтая, степени получила выражение идея постепенного, плавного совершенствования всей вселенной, ведущего к появлению на земле жизни, а в процессе развития последней - и человеческого общества. Но прогресс человеческого общества пронизан глубоким драматизмом и острыми противоречиями.

С большой силой Сташиц в своих сочинениях и прежде всего в «Человеческом роде» выставляет на всеобщий позор и осуждение служителей религиозных культов. Правда, он делает вид, что речь идет не о римском папе,, но о далеком буддистском «ламе», не о польских ксендзах, а о «жрецах» и «имамах», не о католическом, а лишь о языческих культах. Но его обвинения относятся, вне всякого сомнения, ко всем без исключения религиям и церковным организациям. Эта тенденция достаточно определенно пронизывает все книги поэмы. В отличие от целого ряда деистов, искавших под «неразумными» напластованиями условностей обрядов, церемоний, ритуальной символики и т.д. общее для всех религий, некое непреходящее и мудрое содержание, Сташиц усматривает это общее прежде всего в мракобесии, человеконенавистничестве, в служении низменным побуждениям людей, которые занимают главенствующее положение и стремятся к господству и насилию над другими людьми.

Церковники пытаются задушить чувства человеческого достоинства у угнетенных и искоренить в их душе всякую надежду на помощь со стороны знания и науки, упразднить веру в благодетельную силу просвещения.

Правда, сам Сташиц был деистом. Но бог, о котором он говорит, это не владыка мира, а исполнитель своих же собственных законов, которые он дал природе, но уже не в состоянии ни изменять, ни нарушить их. Об этом мыслитель прямо пишет в III книге своей поэмы. В деизме Сташица и в том, что он избегает открыто нападать на католическую религию и церковь, сказалась компромиссность его общественных позиций.

Пытаясь дать ответ на вопрос, почему возникла религия, Сташиц солидарен с Гольбахом и другими французскими атеистами XVIII в. Страх и невежество сыграли здесь, по его мнению, главную роль. И поэтому, «чем больше человек будет познавать природу, - пишет Сташиц в V книге поэмы, - тем меньше будет оставаться у него богов»³¹. Но у Сташица имелась и попытка набросать очерк закономерного исторического развития религиозных верований, очерк смены форм религии, причем в отдельных местах своего главного философского сочинения он ставит процесс изменения религиозных воззрений в связь со сменой хозяйственных занятий людей. Так, переход людей к земледелию и оседлости привел к смене примитивного фетишизма политеизмом. «Отношения, которые соответствовали нуждам человека предыдущей эпохи, стали недостаточными для человека, владевшего землей и стадами»³².

Главная заслуга в критике Сташицем религии заключается в остром разоблачении ее неприглядной социальной функции. Исключительно яркую картину рисует Сташиц в X и XI книгах поэмы, где изображена сцена сговора феодалов и «бонз», то есть церковников, совместно изыскивающих более удобные средства духовного порабощения крепостного крестьянства. «Внушите им терпеливость, - поучают помещики «волхов» и «аюнов», то есть духовенство, - растлите их душу, вселите в нее лишь страх и слабость!.. Пусть невольники не знают отваги, а будут покорны, согласно учениям религии. Убедите их, что, согласно божественной воле, они неспособны носить оружие и осуждены навеки трудиться и быть рабами»³³. «Учителя суеверия» в ответ обещают принять все меры к тому, чтобы искоренить из душ невольников малейшую надежду на освобождение и всякое подобие протеста. «Мы запретим невольникам говорить и думать о своем состоянии; такого рода беседы мы назовем обольщением бесов; мы откроем врата неба несчастным и глупым»³⁴. Не исключено, что под впечатлением именно этих строк Сташица и соответствующих мест работ историка Лелевеля. Эдвард Дембовский в статье «Польский дьявол» (1843) писал: «...христианские священники... говорили народу: работайте на шляхту, ибо такова заповедь божья»³⁵.

Антитеологический характер носила и теория познания Сташица. Ее вопросы он решал в тесной связи с теми требованиями, которые выдвигались задачей дать принципы правильного воспитания молодого поколения, преданного своей родине и идеям справедливости. Вообще проблемы педагогики привлекали большое внимание Сташица. В своих педагогических работах он обобщил 20-летний опыт деятельности «Эдукационной комиссии» и развил далее некоторые идеи польского просветителя середины XVIII в. Станислава Конарского. Сташиц, как и Гельвеций, проводил и обосновывал тезис об общественном воспитании, проникнутом гражданскими идеями и пробуждающем интерес к изучению практически важных, естественных наук.

Игорь Сергеевич Нарский

ФИЛОСОФИЯ ПОЛЬСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Лекции

М.: изд-во МГУ. 1958

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Требование связи теории и практики было одним из главных принципов теории познания Сташица; оно означало для него прежде всего изгнание теологии из программы школьного образования как учения излишнего и сомнительного. Фрэнсис Бэкон за полтора века до Сташица развернул борьбу против «идолов» схоластики. К числу этих «идолов» Сташиц относит всякие учения религиозной метафизики. Сташиц прямо заявляет: «Человек не рождается для метафизики... в нем нет ничего врожденного. Он до всего доходит посредством своих ощущений. Как же он узнает или какую пользу он получит от изучения тех предметов, которых он не может ни слышать, ни видеть, ни осязать?»³⁶

Теория познания Сташица была сенсуалистической. Но доверие его к данным ощущений не превращалось в слепую веру. В своем «Введении» к переводу «Эпох природы» Бюффона на польский язык он прозорливо предупреждает об опасностях, таящихся в узком эмпиризме, когда за деревьями не видят леса. Теоретическое обобщение эмпирических данных - вот более высокая ступень на восходящем пути познания. «Чем больше мы обобщим наши знания, тем лучше мы усмотрим их взаимную связь друг с другом»³⁷. Здесь, пока еще в смутной форме, начинает вырисовываться положение об активном взаимодействии в процессе познания чувственного и рационального моментов, столь резко противопоставленных друг другу Кантом и отождествленных Гельвецием.

В трудах Сташица значительны мотивы стихийной диалектики. Сташиц утверждает наличие всеобщей взаимосвязи предметов и явлений: «Все в этом мире связано между собой. Бытие каждого предмета в данный момент должно быть приведено в соответствие с бытием всех созданий, сосуществующих с ним»³⁸. Тезис этот не случаен, его можно обнаружить во всех философских сочинениях Сташица. Он еще не говорит о диалектическом понимании связи предметов и явлений, однако о диалектическом характере этого тезиса свидетельствует ряд других диалектических идей, также в той или иной форме выдвигавшихся Сташицем. Таким образом, этот тезис нельзя рассматривать в изоляции от последних.

Сочинения Сташица проникнуты пафосом всеобщего прогресса, который звучит и в «Человеческом роде» (см., например, I книгу), и, казалось бы, в узко специальном труде о Карпатских горах, и в других работах польского просветителя. Он пишет о том, как постепенно образовалась земная кора, возникла жизнь, ибо «природа имеет средства... переделки мертвой, неоформленной материи в материю оформленную, в растительные, организованные животные тела»; живые существа совершенствовались, на смену одним приходили другие, развивается и человеческое общество, вечно движется и усложняется весь мир, никогда не достигая, однако, полного совершенства. «Все взаимно связано на этом свете, все находится в отношениях (к другим телам. - *И.Н.*), ибо тает на свете ничего совершенного»³⁹. Тюрго, Бюффон и Кондорсэ уже выдвинули идею всеобщего развития мира, пришедшую на смену средневековому взгляду на мир как на застывшую неподвижную иерархию тел, установленную господом-богом, в соответствии с его моральными целями, и античному взгляду на земные и небесные явления как на звенья вечного круговорота. Идея всеобщего развития, появившаяся на последнем этапе французского Просвещения, внешне, казалось бы, совпадает с антидиалектическими представлениями о всеобщем плавном эволюционизме, столь модном в буржуазной науке второй половины XIX в. и пропагандировавшемся, например, Гербертом Спенсером. Но по существу это не так, ибо следует учитывать, *каким* представлениям противопоставлялась данная идея. В конце XVIII в. идея всеобщего прогресса была новаторской и по своей конечной тенденции диалектической идеей, если даже она и не была, как, например, в учении Сташица о природе, связана с представлением о скачкообразности развития.

Сташиц далее развил идеи Тюрго, Кондорсэ и Бюффона. Он набрасывает поражающий своим размахом оригинальный очерк прогрессивного движения от камня и медузы до человеческого общества.

Картина жизни человеческого рода, даваемая Сташицем, не лишена черт историзма. Это значит, что хотя в «Человеческом роде» в поисках общих законоположений он нередко совмещал факты, относящиеся к различным эпохам жизни разных народов, но один из главных принципов подхода его к анализу событий прошлого состоял в том, чтобы обнаружить их определенное место в общей цепи звеньев и ступеней прогресса. Сташиц не допускает мысли, столь обычной для многих просветителей его времени, будто тысячелетняя история феодализма это как бы колоссальное недоразумение, нелепая случайность, белое пятно и досадное уклонение. Он даже согласен с тем, что социальное неравенство, при всей его возмутительности, должно было возникнуть естественным, а значит неминуемым путем: люди по-разному использовали свои природные возможности и права, и различные социальные группы появились как следствие разделения труда. На примере истории своей родины и других стран Сташиц пытается обнаружить внутренние причины возникновения феодальных государств, их возвышения и падения. И он приходит к диалектической по существу своему идее: причины подъема Польши оказались и причинами ее упадка. На крови и поте угнетенных крестьян возникли сказочные богатства и блеск; на таком фундаменте благополучие государства не могло зиждаться неограниченно долго.

Глубина и острота социальных противоречий в Польше его времени заставляли Сташица делать выводы, приближавшиеся к пониманию диалектики общественного развития. Укажем на некоторые из этих выводов.

Новые общественные силы, которые поднялись на поверхность и закрепили свое господствующее положение, перестают, как отмечает Сташиц, быть фактором дальнейшего прогресса и становятся «сильнейшим противодействием и препятствием каждому (более) новому... порядку»⁴⁰. С этим явлением связана и следующая закономерность, на которую указывает Сташиц в XV-XVII книгах поэмы. Господствующие классы (по терминологии Сташица, «касты») вынуждены в своих же собственных интересах способствовать вначале подъему общественных групп, развитие которых затем выходит за пределы, приемлемые для господствующей «касты»; эти молодые группы преодолевают попытки «касты» замедлить свое развитие и делаются ее опасным соперником. Так, например, развивалась история «третьего сословия» во Франции XVII-XVIII вв. Интересна одна мысль, к которой Сташиц приходит под влиянием фактов, ставших ему известных по «Древней Российской истории» М.В.Ломоносова, с которой польский просветитель был знаком и ссылался на нее в «Человеческом роде». Ряд религиозных обрядов потерял в сознании народа свое специфическое значение и превратился в чисто бытовые традиции. Утверждение потустороннего перешло в свою противоположность, в утверждение человеческой радости, возникающей от общения людей с природой.

Диалектический характер носила догадка Сташица в «Человеческом роде» (см. III книгу) о сложном взаимодействии разума, потребностей человека и его языка в процессе их совместного развития.

Таким образом, Сташиц, подобно Руссо, приближается к пониманию противоречивости общественного прогресса, хотя и не видит с достаточной ясностью глубоких экономических причин антагонизмов. «Касты» Сташиц различает между собой не по их месту в той или иной исторически существующей системе производства, а по их отношению к светской и духовной культуре, к просвещению и науке и т.п.

Игорь Сергеевич Нарский

ФИЛОСОФИЯ ПОЛЬСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Лекции

М.: изд-во МГУ. 1958

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

В основе социологической концепции Сташица - понятие общества как суммы абстрактных индивидуумов, обладающих ощущениями, потребностями и стремлением к счастью. Счастье вне общества невозможно, личное счастье можно обрести только вместе со счастьем всего общества, которое несравненно более важно для судеб человечества. Было бы неверно полагать, будто Сташиц не видел, что развитие хозяйства и трудовая деятельность необходимы для человеческого прогресса, но он не видел того, что внутренние закономерности производства определяют изменение законов других основных сторон жизни общества. Прогрессивное развитие разума и знаний - вот главная линия общественного развития по Сташицу; и развитие способов ведения хозяйства оказывается у него производным от совершенствования разума. Известна замечательная мысль Сташица, высказанная им в черновых набросках его философской поэмы. Главная идея всего его произведения: все пороки обществ проистекают из пороков в использовании земли. Но мысль эта не подрывает все же идеализма в социологии Сташица, ибо «неправильное» использование земли, с его точки зрения, опять-таки происходит от «неразумия» людей. Совершенствуясь, разум в конце концов усматривает истинное свое назначение: определить пути, на которых человечество вновь обретает мудрые, соответствующие законам природы, «естественному праву» законы своего поведения. Но это шествие разума к сияющим вершинам знания совершается в непрерывных титанических битвах с неразумием, мракобесием, фанатизмом, представленными темными силами феодального мира. Итак, разум вступает в схватку с невежеством. Эта просветительская концепция приобретает у Сташица глубоко демократическую окраску, ибо в своей схеме он не только ассоциирует силы мракобесия с угнетателями и их пособниками - церковниками, но и отождествляет силы просвещения с лучшими элементами из народных низов рвущимися к новой, более человеческой жизни. И формула «разум против неразумия» получает также и иной смысл: «угнетенные против угнетателей». Активную и прогрессивную роль играют в истории, согласно Сташицу, и слои народа, которые еще только начинают освобождаться от пут невежества и предрассудков. Сташиц приближается к пониманию великой роли народных масс.

Ассоциацию угнетателей и мракобесов в едином лагере Сташиц понимал отнюдь не упрощенно, как и ассоциацию угнетенности и косности, происходящую от временного (в этом Сташиц был убежден) невежества народных низов. Сташиц, в отличие от многих других просветителей, понимал, что сами знания и разум играют в истории противоречивую роль.

Мракобесы и насильники не отгораживаются от знаний, но стремятся использовать их в своих узкокорыстных интересах. «Каста» деспотизма пытается обеспечить свою монополию на знания, поставить разум на службу неразумию. И только став достоянием всех людей, независимо от их сословий и национальной принадлежности, знание сможет принести действительно огромную пользу, вызовет в обществе далеко идущие благотворные изменения.

В поэме «Человеческий род» Сташиц, по его словам, исследует «главные эпохи возникновения, изменения и падения цивилизации народов». Уроки этой драматической эпопеи в истории Сташиц использовал для атак против «исключительного положения» «касты» помещиков-магнатов и ее антипатриотизма, против различных феодальных пережитков в политическом и общественном устройстве Польши. Он порицает принцип феодального владения землей, но прославляет и идеализирует буржуазную частную собственность. Идеал политического устройства он видел в буржуазно-демократической республике, хотя в последние годы своей деятельности Сташиц ограничился требованием конституционной монархии. «Равенство, свобода и собственность - самые важные и самые простые выводы из прав человека», - писал он.

Впрочем, конституционная монархия на манер той, которая устанавливалась Конституцией 3 мая или же французской Конституцией 1791 г., не раз привлекала симпатии Сташица, считавшего ее прогрессивной по сравнению с феодальным деспотизмом, столь ненавистным ему, как и Коллонтаю. Сташиц выступал против захватнических войн и колониальной политики держав Западной Европы.

Соратником Коллонтая и Сташица в их борьбе против схоластической философии и религиозного мракобесия был выдающийся просветитель и педагог, представитель естественнонаучного материализма **Ян Снядецкий** (1756-1830). Он занимался астрономией и математикой, филологией и географией. За свои работы польский ученый был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук. В труде «О Копернике» (1802), переведенном на ряд европейских языков, Ян Снядецкий популяризировал гелиоцентрическое учение своего великого соотечественника, которое в течение многих лет находилось в списке запрещенных римским папой для католиков книг, авторов и теорий. Эта работа Яна Снядецкого ярко продемонстрировала преемственность материалистических традиций польского Возрождения и Просвещения. В философском отношении работа Яна Снядецкого была ценна прежде всего тем, что подчеркивала объективность и независимость законов небесной механики от какого-либо божественного соизволения и глубокую убежденность творца гелиоцентрической теории в познаваемости мира. Философское значение имеют сочинения Яна Снядецкого: «Философия человеческого разума» и две его статьи - «О философии» и «О метафизике». Работы эти сами не свободны от агностических колебаний, но две последние и» них носят ярко выраженный антикантианский характер. В них критикуется непонимание Кантом органической внутренней связи рационального и чувственного, априоризм и догматизм философии Канта. «Кант совершенно не доказывает основных принципов своей науки, но берет их как якобы уже известные, в то время как они таковыми не являются... Это настоящий *метафизический роман*»⁴¹.

Присущая этим работам слабость заключалась однако в том, что автор их далеко не достаточно критикует агностический отрыв ощущений от внешнего мира, свойственный теории познания Канта.

Ян Снядецкий не был атеистом и не принимал активного участия в политической борьбе. Его главные заслуги заключались в популяризации достижений естествознания и в том, что он сделал немалый вклад в реформу системы образования в Польше, которую проводил Коллонтай. По учебникам, составленным Яном Снядецким, училось не одно поколение университетской молодежи в Польше.

На завершающий период польского Просвещения, первые десятилетия XIX в., падает деятельность брата Яна Снядецкого - Енджея. **Енджей Снядецкий** (1768-1838), биолог, врач и химик, вошел в историю передовой научной мысли прежде всего как автор «Теории органических существ», первый том которой вышел в свет в 1804 г. и получил высокую оценку известного русского ученого проф. А.Филомафитского.

Произведение это опирается на значительно более высокий уровень естественнонаучных знаний, чем тот, из которого исходили пионеры французского Просвещения. Две главные идеи труда Е.Снядецкого делают его роль в истории научного мировоззрения значительной. Во-первых, это - концепция эпигенеза, то есть учение о качественной изменчивости форм зародышей в процессе их эмбрионального развития. Е.Снядецкий не был первым эпигенетиком в науке, но это был первый сторонник учения об эпигенезе в Польше, оригинально развивший это учение. Эпигенетическая теория была направлена против преформизма, воззрения сугубо реакционного и метафизического. Теория эпигенеза была одним из первых предвосхищений учения о всеобщей биологической эволюции.

Во-вторых, прогрессивным было само общее понимание Е.Снядецким явлений жизни. «Теория органических существ» являлась одной из первых в европейской науке попыток создания всеобщей материалистической теории биологии. Что такое жизнь? Каковы наиболее общие законы взаимодействия организма и среды? - вот те вопросы, которые ставил Е.Снядецкий и, отвечая на них, стихийно приходил к диалектическим выводам. Он высказал идею, что явление жизни есть форма динамической, связи органической материи с внешней средой и немыслимо вне постоянного изменения, движения. Жизнь есть «определенный способ существования материи и только в ней может иметь место... Жизнь во всей живой материи является непрерывным изменением форм, а в каждой форме - непрерывным изменением материи»⁴².

Всюду во вселенной происходит непрерывный круговорот веществ, и живые организмы есть важное звено в цепи всеобщих материальных превращений. Нет никаких особых, мистических «жизненных элементов», можно лишь указать на элементы, по преимуществу входящие в состав животных и растительных организмов. Всеобщим законам движения веществ подлежит и человек.

Сам Е.Снядецкий не до конца преодолел влияние витализма, но общий дух его книги - антивиталистический. Е.Снядецкий должен занять по праву принадлежащее ему место в истории биологии и становления эволюционного учения.

После того как отгремели наполеоновские войны (1815), в Польше наступает период реакции, закрепленный «Священным союзом». Торжествующие консерваторы на целый век закрепили новый раздел Польши между Россией, Пруссией и Австрией и по крайней мере на треть века затормозили развитие в ней капиталистических отношений. Религиозные фанатики и идеалисты всех мастей ополчаются против атеистического «вольнодумия» и наук. В этих неблагоприятных условиях братья Снядецкие делают отступления от материалистических заветов Просвещения. Одним из последних защитников его идей был Станислав Костка Потоцкий, министр просвещения «Королевства Польского» в 1815-1821 гг., автор замечательного антиклерикального памфлета «Путешествие в темное царство» (1820), который был им написан тогда, когда Сташиц только что закончил свой «Человеческий род». В остроумной форме Потоцкий высмеивает косность и невежество духовенства, его тупость и фанатизм. Он рассказывает историю о том, как церковники заключили с феодальными монархами будто бы даже специальный договор о внедрении в умы граждан всяческих заблуждений и мракобесия. Острыми сатирическими штрихами Ст.Потоцкий описывает путешествие по стране «темноградцев», где бароны и князья, попы и монахи бесчинствуют и бездельничают, а крестьяне изнывают в жестком ярме.

Реакционеры в 1821 г. добились отстранения Ст.Потоцкого с занимаемого им поста.

Идеи материализма, антиклерикализма и просветительства не умерли в Польше последующего времени, но их продолжателем выступает уже революционная демократия и прежде всего великий польский атеист и диалектик, революционный просветитель Эдвард Дембовский (1822-1846). Дальнейшая история материализма в Польше, начиная с 70-х гг. XIX в., неразрывно связана с успехами распространения марксистского философского материализма, с именами Людвика Варынского, Юлиана Мархлевского и Людвика Кшивицкого.

Игорь Сергеевич Нарский

ФИЛОСОФИЯ ПОЛЬСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

1 В.И.Ленин. Соч., т.2, стр.472.

2 Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей М., 1956, т.1, стр.464.

М.: изд-во МГУ. 1958

3 Там же, стр.184.

- 4 Цит. по газете «Правда» от 28/1-1952 г.
- 5 Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей, т.1, стр.148.
- 6 См. В.И.Ленин. Соч., т.20, стр.403.
- 7 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.XV, стр.219.
- 8 Речь идет прежде всего о труде Бюффона «Эпохи природы» (1786) и о сочинении Кондорсэ «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» (1794).
- 9 E.Dembowski. Pisma, t.IV. Warszawa, 1955, стр.302.
- 10 См рукопись архива Польской Академии Наук (ПАН), № 223, лл.102, 103.
- 11 В особенности «Естественное право», которое относится к 1765 г, Здесь содержится аналогичное взглядам Коллонтая учение о соподчинении естественных законов.
- 12 Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей, т.1, стр.365.
- 13 См Н.Kollontaj. Badania historyczne Krakow t.I, 1842, str.137.
- 14 Н.Kollontaj. Badania historyczne. Krakow, t.II, 1842, str.378.
- 15 См. Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей, т.1, стр.354.
- 16 См. рукопись Оссолинеума № 9859/11, л.88.
- 17 Рукопись архива Польской Академии Наук (ПАН), № 223, л.20.
- 18 Рукопись архива Польской Академии Наук (ПАН), № 223. л.16.
- 19 Там же, л.12.
- 20 «Мы хотим познать, ибо имеем потребности. Познаем мы, дабы знать, чего нам желать. Ощущения пробуждают в нас потребности, потребности пробуждают желание предмета, а затем познания его» (Рукопись ПАН, № 223, л.109).
- 21 Там же, л.23
- 22 Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей, т.1, стр.357.
- 23 Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей, т.1, стр.397.
- 24 Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей, т.1, стр.399. (курсив мой - И.Н.)
- 25 Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей, т.1, стр.426.
- 26 Н.Kollontaj. Listy. Krakow, t.III, str.133.
- 27 Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей, т.1, стр.434.
- 28 А.Н.Радищев. Поли.собр.соч., т.I, стр.314.
- 29 Н.Kollontaj. Wybor pism politycznych. Wroclaw, 1951, str.161.
- 30 E.Dembowski. Pisma, t.IV. Warszawa, 1955, str.298.

- 31 Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей, т.1, стр.226.
- 32 St.Staszic. Dzieia. Warszawa, 1819, t.VII, str.201.
- 33 Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей, т.1, стр.246.
- 34 Там же, стр.248.
- 35 Dembowski Piema, t.III, str..328.
- 36 Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей, т.1, стр.108.
- 37 Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей, т.1, стр.209.
- 38 Там же, стр.104.
- 39 St.Staszic. Piema filozoficzne i spoleczne Warszawa, 1954, t.II, str.247.
- 40 St.Staezic. Dzieta, Warszawa, 1819, t.VIII, str.393.
- 41 Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей т.1, стр.633.
- 42 Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей, т.1, стр.665, 673.